

Из "Хроники текущих событий".
Выпуск 57. Москва, Самиздат,
3 августа 1980 г.

(При перепечатке ссылка
обязательна).

СУД НАД В. НЕКИПЕЛОВЫМ

С 11 по 13 июня выездная сессия Владимирского областного суда рассматривала в г. Камешково Владимирской области дело члена Московской группы "Хельсинки" Виктора Некипелова (арестован 7 декабря 1979 г.), обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР. Судья — председатель областного суда Н.Н. Колосов, обвинитель — зам. прокурора области Сальнов, защитника не было.

О дне начала процесса родственникам Некипелова сообщено не было. 4 июня жена В. Некипелова Н. Комарова спросила о дате суда над мужем секретаря областного суда Волкову; та ответила, что ничего не знает (2 июня распорядительное заседание суда назначило дату суда). 5 июня "ничего не знал" зам. председателя облсуда.

11 июня Н. Комарова поехала из Камешкова во Владимир, чтобы сделать очередную передачу мужу, содержащемуся во Владимирской тюрьме. В облсуде она случайно узнала, что в Камешкове слушается какое-то "спецдело" и что командировка работникам суда выписывается туда на 3 дня. В Камешково Комарова возвратилась, когда судебное заседание уже началось.

В этот день Комаровой так и не удалось попасть на суд. Через несколько минут после того, как она пробилась в здание суда, из зала, где слушалось дело, повалила "спецпублика", и Комарова узнала, что, несмотря на раннее время (около часу дня), объявлен перерыв до следующего дня.

Сын В. Некипелова Сергей 11 июня был вызван на допрос в прокуратуру, а его жену А. Подъяпольскую просили по учебным делам приехать в университет. Однако они поехали в Камешково, еще не зная, что начался суд. На первое заседание они не попали.

В первый день процесса было зачитано обвинительное заключение.

Некипелову инкриминировалось "изготовление и распространение"

— семи стихотворений из его сборника стихов "Анестезия" (в сборнике около 100 стихотворений);

— статей "Почему я не подписал Стокгольмское воззвание?",

"Сталин на ветровом стекле", "О наших обысках", "3 года лагерей" (о М.Кукобаке), "В защиту малоизвестных заключенных", "Когда нет игры партий", "Факультет демократии", "Стертые с фасада", "Опричнина-77" и "Опричнина-78";

- двух документов Московской группы "Хельсинки" ("Нарушение социально-экономических прав человека в СССР. Право на труд", и "Политические процессы над рабочими в СССР");

- писем в защиту Е.Бузинникова и Э.Кулешова, письма "Найти человека";

- "Заявления об отказе" - о выходе из гражданства, заявления "По режимным соображениям";

- перевода с украинского повести М.Осадчего "Бельмо".

Кроме того, ему вменялось в вину "хранение с целью распространения" статьи Солженицына "Жить не по лжи", статьи Р.Медведева "О третьем томе "Архипелага ГУЛаг", рецензии на книгу "О бюрократии", письма Мельникова к Т.Ходорович и песни "Отречемся от красного мира..." (Некипелов слышал ее в лагере и записал по памяти).

Некипелов отказался принимать участие в судебном заседании до тех пор, пока в зал не пустят жену.

12 июня для приехавших друзей В.Некипелова в суде "не было мест". Перед зданием суда было много сотрудников КГБ из Владимира, Коврова, Москвы, в частности Захаров, проводивший обыск у Т.Осиповой и И.Ковалева 11 октября 1979 г. и задержавший их 10 декабря 1979 г. И.Ковалев, К.Великанова, Ю.Кашков и В.Тюльков написали заявление коменданту суда, в котором указали, что процесс проходит с нарушением гласности судопроизводства - желающие попасть в суд пропускаются избирательно. Они также заранее настаивали на своем праве присутствовать на чтении приговора, так как он должен читаться при открытых дверях и ссылки на "нехватку мест" в этом случае безосновательны.

При отъезде в Москву у Фуата Аблямитова проверили документы. Юрий Кашков был задержан.

В зал суда пропустили С.Некипелова и А.Подъяпольскую. Комаровой во дворе здания суда за десять минут до начала второго дня процесса объявили, что она вызывается в качестве свидетеля. По ходатайству Некипелова она была допрошена первой. Отказавшись отвечать на вопросы о том, как была написана и каким образом переправлена за границу статья "О наших обысках" и кто перевел "Бельмо" Осадчего на русский язык, Комарова заявила, что ее муж пользо-

вался правами и свободами, указанными в Конституции, поэтому предъявление ему обвинения по ст. 70 УК РСФСР является антиконституционным. Судья прервал свидетельницу и освободил ее от дальнейших показаний. С.Некипелов также просил допросить его в качестве свидетеля. В.Некипелов поддержал его просьбу, однако суд им отказал. Когда С.Некипелов попытался из зала сфотографировать отца, его вывели, фотопленку засветили. Допытывались, что дал ему фотоаппарат и кто стоит у здания суда. Он отказался от разговора и вернулся в зал. Кто-то при этом пообещал скинуть его с лестницы и проломить голову.

Из допроса свидетелей выяснилось, что

1. Некипелов — хороший работник, но не состоял в профсоюзе, не принимал участия в общественной работе, не участвовал в голосовании, не подписал Стокгольмское воззвание и не сажал цветы, заявив, что он не нанимался делать это; кроме того, к нему приходили люди и он получал много писем, в частности, из-за границы. — Свидетели с работы: главврач райбольницы К.Н.Майоров, зав.лабораторией К.Г.Егерева и лаборантка М.М.Драницына.

2. Некипелов заявил, что пришел к внутреннему несогласию с системой и не может больше жить в этой стране. Он бросил свой паспорт на стол паспортного стола и 2 года жил без паспорта. (На самом деле Некипелов отослал свой паспорт в ПВС СССР и отказывался забирать его в паспортном столе г.Камешково; бросать "на стол" ему было нечего). Почему Некипелов желает выехать из СССР, совершенно непонятно, так как таких людей очень мало, 3-4 человека в год. — Свидетели: начальник паспортного стола УВД Владимирской области Шайдров и начальник паспортного стола г.Камешково Л.Ф.Шибеева.

3. Во время обыска у Некипелова в 1973 г. было изъято много прокитайских документов, в которых содержался призыв к свержению Советской власти. На обыске в 1978 г. у Некипелова нашли текст, начинающийся словами "Отречемся от красного мира". — Свидетель Гаврилов, участковый.

4. Заключение в лагерях содержится хорошо, работают 8 часов, техника безопасности соблюдается, имеются выходные дни. Все осужденные работают хорошо, но некоторые отказываются работать. Нормы питания соблюдаются, больным питание выдается по показаниям врачей. Сон 8 часов, даже больше, никто не ограничивает. (Судья:

"Надо бы поосторожнее". Свидетель: "Согласно закону"). Были случаи, что заключенные умирали. Один гипертоник, например, умер от того, что злоупотреблял таблетками. Пехарев умер в больнице от прободения язвы; он сам себе швы разрывал. Волобуев туберкулезник, умер от того, что не принимал лекарств и не давал делать уколы, занимался членовредительством. На вопросы Некипелова свидетель ответил, что он ничего не знает об избиении Федорова и Романюка и о двухмесячной голодовке узников в связи с частыми избиениями и высокой смертностью, но сказал, что "осужденные часто писали жалобы о вредных условиях труда". (Судья на это заметил, что условия "оранжерейные"). — Свидетель Надежкин, бывший начальник здравпункта в I Мордовском лагере.

5. Никакого произвола в лагере нет. Имеется больница на 10 коек, ведется амбулаторный прием. В лагере организован солярий ("теплая солнечная поляна"), где осужденные играют в футбол и волейбол. Они живут лучше, чем свидетель, поскольку он не всегда обедает, а у них трехразовое питание. Шумук действительно очень худой, но это у него такое астеническое сложение. — Свидетель И.В.Петров, медработник из 36 Пермского лагеря.

6. Прочтя два письма В.Некипелова, адресованные ее сыну Олегу Соловьеву, свидетельница написала ему, чтобы он оставил сына в покое. О письмах Некипелова она сообщила в УКГБ. — Свидетель А.Д.Соловьева из Железноводска (на суде не присутствовала, показания были зачитаны).

7. Некипелов спрашивал писчую бумагу, но по указанию заведующей книготоргом Яковлевой ему бумага не продавалась. Он покупал тетради, стержни для шариковых ручек, ручки, игрушки. — Свидетели В.А.Барабанова и Г.А.Воробьева, продавщицы магазина "Культтовары".

8. Некипелов рецензировал рукописи свидетеля, своими мнениями и взглядами не делился; его убеждения — это его дело. — Свидетель Н.Д.Толмачев.

9. Некипелов передал свою статью "Стертые с фасада" для опубликования в "Бюллетене" Инициативной группы по защите прав инвалидов, каким образом статья попала в газету "Русская мысль" — неизвестно. — Свидетельница О.Ф.Зайцева. Судья сказал Зайцевой, что если ее муж В.Фефелов будет заниматься "клеветнической деятельностью", то он "себе сделает хуже".

10. Младший сын Некипелова Евгений, тогда ученик 3 класса, сказал на собрании, что на 25 съезде партии собрались, поговорили, ничего не решили и разошлись. В беседе с директором школы В.Неки-

пелов заявил, что он не будет ничего сыну объяснять, и помогать школе в его воспитании отказался. — Свидетель И.С.Былов, учитель, в прошлом — директор школы. (На суд он не явился, его показания были зачитаны по ходатайству Некипелова, сказавшего, что на основании заявления Былова на его сына Евгения заведено досье. Некипелов заявил также, что досье заведено и на его старшего сына Сергея, а дело Н.Комаровой выделено для производства следствия органами КГБ).

После допроса свидетелей Некипелову дали возможность сделать замечания по их показаниям и эпизодам обвинения. Некипелов сказал, что с 1976 г. добивался выезда за границу и получил отказы по крайней мере по четырем различным мотивировкам. Один из основных инкриминируемых документов — "Заявление об отказе", которое следствие квалифицировало как клеветническое потому, что в нем говорится о репрессиях, которым был подвергнут его отец, а также потому, что запись "Харбин" в графе "Место рождения" является, по словам Некипелова "волчьим билетом". Следствие утверждает, что отец не подвергался никаким репрессиям, а рождение в Харбине не помешало Некипелову окончить три учебных заведения. Некипелов объяснил, что в 1941 г. его отец был выслан из Ногинска в Ишим из-за того, что одно время жил за границей. Он сказал далее, что поступал в несколько вузов, сдавал все экзамены на "отлично", однако его не принимали. И везде в документах красным карандашом подчеркивалось слово "Харбин". И только случайно удалось ему поступить в Омское военно-медицинское училище и в Харьковский фармацевтический институт. В Литературный институт имени Горького его приняли потому, что началось разоблачение культа Сталина.

Некипелов сказал, что главной частью обвинения является его участие в Московской группе "Хельсинки". Ему непонятно, почему из 84 имеющихся в деле документов Группы ему вменяются только два. Поэтому Некипелов обратился с ходатайством о расширении обвинения путем включения в него еще 48 документов, подписанных им. Это ходатайство было отклонено. Некипелов заявил также ходатайство об оглашении дополнительных документов. Суд отклонил и его. Некипелов просил о вызове в суд дополнительно 21 свидетеля — соавторов инкриминируемых ему документов или тех, кому они посвящены. Это ходатайство также не удовлетворили. Следующее ходатайство — о возвращении личных документов (например, удостоверения об избрании Некипелова почетным членом американского Пен-клуба; оно было изъято из почты В.Некипелова уже после его ареста). Прокурор поддержал

это ходатайство, однако суд постановил решить этот вопрос после завершения слушания дела. Некипелов ходатайствовал о возвращении личных писем, пришедших за время наложения ареста на его корреспонденцию, и о возвращении некоторых литературных материалов, которые следствие постановило уничтожить. Суд решил отправить это ходатайство на рассмотрение в УКГБ.

В последний день процесса Некипелов продолжал свои объяснения по допросу свидетелей и эпизодам обвинения. Он разделил обвинение на 3 части. К первой относится его литературная деятельность, ко второй — правозащитная, к третьей — личные документы.

Некипелов сказал, что не знает такой страны, где бы судили за литературную деятельность. Ему инкриминируются семь стихотворений из сборника "Анестезия". Сборник же — это целостное литературное произведение, и вырывать из него стихи — все равно что процитировать несколько вырванных из текста фраз и судить по ним обо всем тексте. Он заявил, что его стихи — это его личный отклик на различные события. В них не содержится никакой клеветы, точно так же, как в очерках и литературных эссе "О наших обысках", "Стертые с фасада", "Почему я не подписал Стокгольмское воззвание", "Сталин на ветровом стекле", "Найти человека", "Когда нет игры партий".

О документах Хельсинской группы, письмах в защиту Кукобаки, Бузинникова и Кулешова, "Опричнине-77", "Опричнине-78", "Факультете демократии" и письме "В защиту малоизвестных заключенных" Некипелов отказался давать показания, так как суд отклонил ходатайство о вызове свидетелей, являющихся его соавторами в этих документах или располагающих фактами, которые подтвердили бы отсутствие в них клеветнических измышлений.

По поводу статьи Р.Медведева "О третьем томе "Архипелага ГУЛаг" Некипелов заявил, что она содержит критику книги Солженицына и ее можно было бы напечатать в советских газетах, а не использовать в качестве обвинения в распространении антисоветской литературы.

Прокурор счел вину Некипелова полностью доказанной и потребовал максимального приговора — 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки.

В своей защитной речи Некипелов еще раз указал на отсутствие клеветы в инкриминируемых ему документах. Он сказал также, что следствие и прокурор голословно объявили их антисоветскими, тогда как в задачу суда входит доказательство этого утверждения. Однако суд отказал Некипелову в вызове свидетелей, пострадавших за убежде-

7

ния и находившихся или сейчас находящихся в заключении. Вместо этого вызвали Надежкина и Петрова, давших ложные показания о положении в лагерях. Это все равно, как если бы на Нюрнбергском процессе выступали в качестве свидетелей не жертвы фашизма, а только организаторы массового уничтожения.

Из последнего слова:

Я считаю себя невиновным и считаю, что должен быть оправдан. Но я знаю, какой мне будет вынесен приговор — он заранее определен. Я не прошу у суда снисхождения, потому что это было бы противоречием тому, что я здесь говорил.

Мне 52 года, и приговор 7 лет заключения и 5 лет ссылки означает для меня пожизненное заключение.

Суд после совещания, которое продолжалось 2,5 часа, вынес приговор, в который вошли все эпизоды обвинения. В частности, было сказано, что умысел распространения подтверждается показаниями продавщиц о том, что Некипелов неоднократно спрашивал бумагу. Некипелова приговорили к 7 годам заключения в лагере строгого режима и последующей ссылке на 5 лет.

ж ж ж

В деле Некипелова есть показания некой уголовницы, которой будто бы М.Ланда сообщила на пересылке, что И.Ковалев по заданию Некипелова спрятал где-то в Литве диссидентскую не то радиостанцию, не то типографию.

В деле имеется указание на то, что на М.Петренко в райотдел КГБ посланы какие-то материалы.

Там же имеется письмо председателя президиума Московской городской коллегии адвокатов Апраксина заместителю Андропова генерал-майору Пономареву. Апраксин сообщает, что в соответствии с договоренностью он высылает отказ своего заместителя Склярского в предоставлении московского адвоката жене и сыну Некипелова.

ж ж ж

Во время следствия Некипелов содержался в одном корпусе с туберкулезными больными. Он был подвергнут психиатрической экспертизе: его привели якобы для осмотра к дерматологу; в кабинете, однако, была психиатрическая комиссия. Некипелов отказался от об-

щения с ее членами. Вся "экспертиза" заняла 5 минут. Его не осматривали. Заключение: "психопатическая личность, но вменяем".

* * *

17 июня Виктор Некипелов получил двухчасовое свидание с женой и старшим сыном (жену сына на свидание не пустили, несмотря на то, что судья дал ей разрешение) во Владимирской тюрьме. Свидание проходило через двойное стекло и по телефону. Вместо разрешенных двух часов предоставили 1 час 45 минут.

Было запрещено говорить о суде, кассационной жалобе, адвокате, даже о 12-летнем сыне Евгении. Когда произносились имена родственников, совпадавшие с именами заключенных, за которых вступался Некипелов, телефон выключали — "Знаем, о ком говорите". Запретили прочитать стихи к жене, написанные им к 22 июня — 15-летию свадьбы. Запретили прочитать телеграммы, адресованные В. Некипелову, говорить о материальном положении семьи. Разрешено было говорить только на "бытовые" темы.

Последнюю неделю, по словам В. Некипелова, у него непрерывные мигрени, болят колени (артрит) и нижняя часть позвоночника. Трудно ходить, тяжело ступать на одну ногу. Очень нуждается в стоматологе — под следствием лечить отказались, т.к. находился он там "временно".

Некипелов сказал, что ему не полагается иметь футболки, даже с коротким рукавом. Сапоги у него Яловые, и он сомневается, что отправят в них — "полагаются" кирзовые (на суде ему пришлось быть в сапогах, несмотря на жару, — надеть туфли не разрешили). Он просил также передать ему учебник английского языка.

Свидание постоянно прерывалось под угрозой прекращения.

После свидания зам. начальника тюрьмы Н. В. Федотов запретил Комаровой передать мужу то, что тот просил на свидании: полиэтиленовую кружку, мешок, портянки.

* * *

14 июня с письмом в защиту В. Некипелова выступил А. Сахаров: ... (Текст письма прилагается. — Сост.)...

17 июня Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 137 "Суд над Виктором Некипеловым":

... Из заявлений, сделанных Виктором Некипеловым на суде, следует, что фактически основным обвинением его является участие в Московской группе "Хельсинки" ... Суд не искал доказательств "вины" Некипелова, он лишь пытался создать внешний декорум правосудия. В частности, судом было отклонено ходатайство Некипелова об исследовании всех документов группы "Хельсинки" и о вызове более 20 дополнительных свидетелей для подтверждения фактов, изложенных в инкриминируемых Некипелову статьях, письмах и документах.

Показания Некипелова судом игнорировались. Пресекая все попытки Некипелова добиться последовательного и объективного исследования вменяемых ему эпизодов, суд "доказывал" "вину" Некипелова противоречивыми, а иногда и просто лживыми показаниями свидетелей по несущественным и малозначительным эпизодам.

...

Мы утверждаем, что арест и осуждение Виктора Некипелова являются еще одним грубым нарушением Заключительного Акта Хельсинского Совещания.